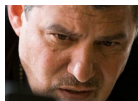

Александр Атанесян уже закончил работу над комедией «На измене», готовит к выпуску мультипликационный фильм «Последний человек из Атлантиды», ссорится с американцами и работает над сценарием ремейка фильма «Гнев» Тони Скотта. **КиноПоиск**

встретился с режиссером в Доме кино, чтобы узнать, как дела у одного из самых загруженных кинодеятелей страны.

— Скоро выйдет ваш новый фильм «На измене»... Вы ведь в первый раз ставили комедию?

— Да, в первый, но, ты знаешь, я не заметил радикальных отличий. Работа как работа. Ну, конечно, немного технология съемки другая. А так все, как обычно.

Тема разговора неожиданно меняется, ведь холл Дома кино, в котором мы встретились с режиссером, набит людьми. Шумно, немного тесно и неуютно, на лицах людей крайнее недовольство мероприятием, на котором они побывали, — недовольство Пленумом Союза кинематографистов.

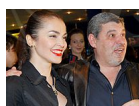
— Что здесь сегодня было?

— Да надо было выдвинуть кандидатов на съезд кинематографистов. А чтобы выдвинуть кандидатов, проходит региональное собрание, в данном случае — московское. В нашем городе 3 700 членов Союза кинематографистов. И чтобы решение было юридически легитимным, нужно чтобы собралось 50% плюс один человек, то есть 1 900 должно быть на собрании. А сегодня собралось 1 100. Поэтому никаких решений принимать никто не будет.

— И часто такое бывает?

— Понимаешь, идет смена поколений. Посмотри на них (кивает в сторону собравшихся). Это абсолютно пассивные в большинстве своем люди, которые ни кино не снимают, ни сценариев не пишут.

— А молодые есть среди них?

— Почти нет. А те, кто есть, не члены Союза. Они не хотят. Они не понимают смысла этой организации.

— Но он есть?

— Нет! В том виде, в котором организация существует, никакого смысла нет. Этот Союз в свое время был создан Сталиным, для того чтоб собрать механизм неких льгот. Если ты был членом Союза, ты мог этими льготами пользоваться: путевки, машины, поездки за границу, пособия... А для того чтобы быть членом Союза, ты должен был быть лояльным к власти. Самой страшной угрозой было увольнение из Союза кинематографистов.

— **А работе он как помогал?**

— Иногда. Какие-то люди — да хоть тот же самый Тарковский — могли поехать в Дом творчества в Колышево, бесплатно там три недели пожить и пописать сценарий, к примеру. Или в Коктебель, или в Ялту. Это уже кое-что. Хотя лучше бы им деньги нормальные платили, и человек сам бы мог поехать в тот же самый Коктебель и выбрать бы гостиницу, в которой он хотел жить.

— Но и это сегодня сдохло. Уже нет льгот, нет привилегий, нет преимуществ.

А организация юридически осталась. Непонятно только, зачем. Как чемодан без ручки — нести тяжело и выкинуть жалко, понимаешь? Киноиндустрия в России и Союз Кинематографистов — это две несвязанные между собой вещи.

— **А кто, на ваш взгляд, задает тон в киноиндустрии?**

— Да никто толком. Отдельные компании, западные в том числе...

— **Вы как раз сотрудничаете с одной из них, с Fox. Как вы оцениваете это сотрудничество?**

— И с **Fox**, и с **Sony**. Честно говоря, эти компании, во всяком случае дистрибьюторский рынок, существуют только за счет американского кино. Если сегодня выбросить американское кино с русского рынка, проката не будет, он умрет. На европейское и азиатское кино никто не идет, а русского в достаточном количестве просто нет.

— **Но ведь они сами заинтересованы делать русское кино здесь, на американские деньги...**

— Да они и делают. **Sony** сделали четыре картины, **Fox** начинает четыре.

— **Ваш мультипликационный фильм в их числе?**

— Нет, он не имеет к ним отношения. Это частные инвестиции.

Выходим на улицу, там народу не меньше.— (Оглядывая здание Дома кино и возвращаясь к волновавших многих в тот день теме.) Это печальное зрелище, понимаешь? Люди, которые отдали свою жизнь кинематографу и привыкли существовать в этом пространстве, не могут с ним расстаться. Это старая квартира, где все течет, все гниет, но человек там родился и вырос. Но сделать из нее что-то новое никто не хочет. Им говорят:

«Давай

подоконники поменяем?»

. А они:

«Нет-нет, цветы куда девать?»

.— А потом что? Кто на их место придет?

— А надо ли задаваться этим вопросом? Рынок — вещь саморегулируемая. Будут востребованы — придут. Не будут востребованы — не придут. Да и что изменится? Если Россия производит «Жигули», это не значит, что у нее есть автопромышленность... Но я что-то часто отвлекаюсь. Мы, кстати, о чем говорили? (Улыбается.)

— Вообще-то о вашем новом фильме...

— Ну а что говорить? Мне интересен был этот жанр, хотя я его как режиссерский проект не рассматривал. Для меня это продюсерский проект. Просто интересно стало, как сделать комедию, как ее прокатать.

— Хорошо, а к другим современным российским комедиям как вы относитесь?

— А я пока не видел удачных современных российских комедий. Хорошая была «Особенности национальной охоты». Замечательная комедия. Я думаю, это был значимый этап, когда вдруг перешли в другое качество. И, собственно говоря, сейчас и не припомню, где бы я еще так смеялся.

— Но у вас снялись артисты, которые известны по телевизионным проектам. То есть телевизионный юмор вам кажется более перспективным?

— Ну, там юмор постоянно разного качества, понимаешь? Те же самые «6 кадров» — как раз оттуда два моих главных актера — даже им, талантливым людям, очень трудно каждый день выпускать пять—шесть скетчей и держать один уровень. Это почти невозможно.

— Может быть, ради качества надо объемы этого юмора сокращать?

— Тут еще одна проблема. Это же как питание: вот есть человек, он привык к картошке и капусте, и как бы ты ему ни говорил, мол, попробуй устрицы, он удавится, но есть не

будет...

— Но что в этом хорошего?

— Надо быть лояльнее. Народ — это ведь не какая-то аморфная непонятная масса. Это миллионы разных судеб. И надо уважать их вкус тоже. Если человек привык, то почему он не должен получать то, что он любит. Мы же его вынуждаем смотреть рекламу, значит, дайте ему то, что он хочет. Другой вопрос — о людях, которые считают себя художниками. Они должны понимать, чем слово наше отзовется и как. Это уже другая тема. Но претензии к народу, что у него, мол, низкий вкус, я бы не стал предъявлять. Это абсолютно неэтично по отношению к человеку вообще. Это же вопрос разного вкуса, разных возможностей, разной доступности. И с искусством точно так же. Штраус никогда не считался образцом высокого искусства при жизни. А прошло 100 лет, и выяснилось, что эта «легкая» музыка, оказывается, тоже классическая. А «Битлы» просто подвергались гонениям в начале своей карьеры. А сейчас тоже классика.

Рано или поздно юмор отфильтруется, и качественные программы поднимутся в рейтинге. А о чем мы сейчас говорим? О 20-летней эпохе нового русского кино и нового русского телевидения? Это ничто для истории. Когда мы пытаемся конкурировать с американским телевидением или с американским кинематографом, надо отдавать себе отчет в том, что у них 70 лет истории, а у нас десять. То есть десять лет как появился кинорынок, он еще не сформирован толком. Вот чего мне не хватает в нашей стране, так это толерантности, причем очень серьезно не хватает.

— Расскажите про ваш мультипликационный фильм «Последний человек из Атлантиды».

— Это попытка, которая существенно может изменить инвестиционный климат в нашей киноиндустрии. Пока никто не верит в отечественную анимацию, в ее коммерческий успех.

— Да ведь современная отечественная анимация пока не доказала свои способности.

— Я сам через это прошел. 12 лет делаю картину. То кончались деньги, то снова находились. Пока их искали, мы меняли технологию, потом снова кончались деньги. Но стоит ленте выйти на экраны и стать успешной, сразу станет понятно. Я очень благодарен Косте Эрнсту за «Ночной дозор». Как бы мы к нему ни относились, факт кассового успеха этого фильма был не просто прорывом — от него маятник инвестиций

качнулся в сторону кинематографа, причем очень серьезно. Любой успех любого отечественного фильма в прокате повышает инвестиционный потенциал кинематографа.

И в мультипликации то же самое. Поэтому я в этом плане очень надеюсь на «Последнего человека из Атлантиды»

— А когда планируется выход?

— Фильм закончен. Сейчас переводится в стерео — это займет шесть месяцев. Потом уже будем назначать дату проката. То есть он будет готов в ноябре окончательно. А технически он уже сейчас готов. Можно показывать.

— А с «Убить короля» какая ситуация?

— Он уже давно готов. 30 сентября релиз. Там был конфликт с производителем с американской стороны. Компания **Monumental Pictures**, с которой я работал, — российско-американское совместное предприятие. Американская сторона пыталась интегрировать некое свое видение российской действительности.

— А традиции советского кинематографа и американские схемы работы противоречат друг другу?

— Нет, не противоречат. Дело в другом. Знаете, есть замечательный фильм Софии Копполы «Трудности перевода». Очень подходящее название. Вот, к примеру, картина называлась «Убить короля». Для американского слуха в **To Kill the King** слышится только что-то историческое. Так что они поменяли название на «Близкий враг». В английском звучании Close Enemy означает «близкий» с точки зрения родственных отношений, а в русском — с точки зрения географических. И это только пример подобных «трудностей перевода». Они лежат в контексте ментальности, восприятия фразы, шуток. Они не очень это понимают, постоянно требуют сокращений или изменений системы монтажа. Но это не производственный, а творческий конфликт.

— Но как вы думаете, если не считать трудностей перевода, американские схемы в России действуют? С их помощью можно снимать хорошее кино и зарабатывать деньги?

— Безусловно. Это единственная приемлемая схема международного кинопроизводства. Скажем, в Индии тоже фильмы очень успешные, но они работают исключительно на местный рынок. Они работают на национальную культуру. Американские фильмы по своей технологии рассказа истории и выбора темы международны, интернациональны и понятны абсолютно всем, и русским зрителям в том числе. А если уж ты туда кладешь русские реалии и русскую историю, то они, безусловно, работают. Но есть продукт на экспорт, а есть продукт для внутреннего потребления, и надо к этому относиться спокойно.

— **Как вы относитесь к так называемой «новой волне» русских режиссеров? На них же тоже сейчас возлагаются некие надежды.**

— Очень хорошо к ним отношусь. Я их называю пионерами, но не в смысле красных галстуков, конечно, а как тех, кто идет в авангарде и распахивает землю. Они пытаются открыть новые формы, новый язык, новое миропонимание, и рано или поздно это перейдет в зрительский кинематограф. Их находки будут эксплуатироваться. Скажем, тот же самый Алексей Герман-старший столько сделал в режиссуре, хотя все его кино абсолютно авторское, что его режиссерские находки эксплуатируются сегодня в каждой второй картине. И не только в России, но и в мире.

Кстати, раз уж вы вспомнили, вы знаете ли, как обстоят дела с его «Трудно быть богом»?

— Могу сказать только, что фильм закончен. Очень тяжело идет озвучание, потому что Алексей болен.

— **Ходили слухи, что если, мол, он не сможет завершить работу над фильмом, то вы встанете на его место...**

— Нет, это сплетни. Хотя мы очень дружны, и он однажды сказал что-то в духе: «Если я умру, хочу надеяться, что ты закончишь картину». Но я это рассматриваю как шутку гения, не более того. Это будет великое кино. Опять нас ждут потрясения, открытия, споры, скандалы, войны, но что он проломит еще одну дверь в кинематограф, в новый киноязык — это безусловно. Судя по тому материалу, который я уже видел, будет абсолютно неожиданное решение формы рассказа.

— **А о своих планах можете рассказать? Fox ведь хотят снимать здесь, с вами, ремейк «Гнева» Тони Скотта и «Деловой женщины» Николса?**

— Сейчас идет окончательная шлифовка сценария «Деловой женщины». Что касается «Гнева», то там я выступаю в двух ипостасях: как автор сценария и продюсер. Но со сценарием, должен сказать, медленно очень движется. На каждом этапе открываются неадаптируемые вещи, и приходится придумывать новую форму. В сюжете есть такой ментальный конфликт: герой пьющий и рефлексировать по этому поводу — в российской действительности это выглядело бы очень странно, что пьющий человек рефлексировать. (Смеется.) Кроме этого, русскому зрителю нужна немного иная мотивация того, почему герой идет мстить. А там возникают некие проблемы, ведь если надо показать, как герой полюбил этого ребенка, — это уже целая отдельная история. Ведь и Тони Скотт целых 53 минуты пытается объяснить зрителю, как герой Дензела Вашингтона полюбил ту девочку.

— **А вы кого в главной роли видите?**

— Пока не могу сказать. Мне кажется, Рома Костомаров мог бы справиться. Будет кастинг, и все будет зависеть от режиссера. Ну а сам я в ближайшем будущем хочу максимум внимания, времени, сил, энергии и возможностей уделить анимационному кино. Пока ничего не хочется снимать как режиссеру, а вот как продюсеру хочется заниматься анимацией. Несмотря на то, что я занимаюсь этими двумя проектами для **20th Century Fox** как продюсер, анимация мне как-то роднее.